

ЯРОСЛАВА ЛАЗАРЕВА

ЛЮБОВНИК РОЗ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л17

Разработка серийного оформления *А. Саукова*
Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Лазарева, Ярослава.

Л17   *Любовник роз / Ярослава Лазарева.* — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Магические ле-
генды).

ISBN 978-5-699-93236-8

Никто не знает, что в нашем мире уже много лет дей-
ствует тайный Орден Ловцов самоубийц, выявляющий лю-
дей, склонных к суициду, и предотвращающий их гибель.
Ловцам противостоит клан прилипал, которые, наоборот,
подталкивают людей к самоубийству. Ведь если человек на-
ложит на себя руки, он становится аморфом – призраком,
застравшим между мирами...

У Виктора, одного из ловцов, есть все, что нужно для
красивой жизни, — деньги, привлекательная внешность,
свобода и ум. Многие женщины мечтают заполучить его
в мужья, не зная, что Виктору противопоказаны серьезные
романы. Ведь если его захватит серьезное чувство, он пере-
станет быть ловцом. Этим обстоятельством готова восполь-
зоваться прилипала Моника, ведь в ее интересах, чтобы са-
моубийц становилось как можно больше...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лазарева Я., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

ISBN 978-5-699-93236-8

Пролог

Из дневника Виктора:

«20.05.2004. Это моя последняя запись. Хотелось оставить на странице только одно предложение: «В моей смерти прошу никого не винить», как принято в любовных мелодрамах, но мне кажется это пошлым. Пусть будет эта запись, она завершит мой дневник. Кому нужно, тот прочтет.

Тяжело ли мне? Уже нет. Я дошел до той точки, когда мне реально все равно. И еще... мне противно. Жизнь — мерзкая штука.

Сегодня мне исполнилось семнадцать.

Лиза... Два года сильной, безответно мучительной любви. Самая популярная девушка не только в классе, но и в школе, самая красивая, при этом капризная. Лиза решила, что весь мир должен быть всегда у ее ног, вернее, под ее каблучком. И именно это сводит с ума. Она независима ни от чего и ни от кого, на всех смотрит свысока и кажется недостижимым идеалом. Магнит для всех парней. И для меня. Любовь жжет, все еще жжет, все мысли только о Лизе ежеминутно, ежесекундно... Два года... ловить ее взгляд, дрожать от звуков ее голоса, любоваться ее лицом... сидеть на ее страничках в соцсетях и лайкать все ее посты, комментировать фотографии, перед сном посылать СМС с пожеланием спокой-

ной ночи и не получать в ответ даже стандартно краткое: «споки». Два года мучений... И кто я для нее? Обычный, ничем не выдающийся парнишка, каких много, очередной поклонник в длинном ряду воздыхателей. Хватит!

Но расскажу про этот последний день моей жизни по порядку.

Мама... единственный мой родной человек, только это сейчас вызывает боль. Но разве ей не будет легче без меня? Она выбивается из последних сил, весь день работает на швейной фабрике на монотонной операции подруба-ния простыней, после смены моет полы в двух офисах и еще берет на дом заказы по индивидуальному пошиву одежды для знакомых. Обычно выполняет их в выходные, а если не успевает к сроку, то и по ночам. А все для того, чтобы у меня, ее единственного сына, ни в чем не было недостатка. Разве не легче ей будет, когда я покину этот мир? Она еще молода, устроит свою жизнь, а я ей только мешаю. И в этом я тоже сегодня убедился!

Мама разбудила меня утром, подарила рубашку, сшитую собственноручно, кожаную куртку, поцеловала и убежала на фабрику. А я отправился в школу. И надел обновки, так хотелось покрасоваться в кожанке, о которой я давно мечтал. Май очень теплый. Ковров — маленький город, кажется, он весь в цвету, воздух пропитан сладкими ароматами, но от этого на душе невыносимо тоскливо. В голове проносятся картины, как я гуляю с Лизой, держась за руки, по яблоневому саду, как смотрю в ее прозрачные голубые глаза, как целую ее розовые мягкие губы... Я не могу из-

бавиться от этих картинок, они мешают дышать, вызывают сердцебиение...

В школе все прошло стандартно. Одноклассники поздравляли, дергали за уши, как маленького, шутили. Но мне показалось, что всем наплевать. Лиза подошла на перемене, подарила флэшку в виде забавного котенка и легко поцеловала в щеку. И тут я не выдержал и признался. Она смутилась, я видел по лицу, что ей неприятно.

— Вить, я ведь поцеловала тебя только в знак внимания, у тебя все же днюха! — сказала она, глядя мне в глаза.

— У меня нет шансов? — выдавил я из себя, находясь от волнения почти на грани обморока.

— Никаких... сорри... — тихо ответила она и погладила меня по щеке.

Лиза смотрела с нескрываемой жалостью, затем отвернулась и пошла по коридору. Я проводил ее взглядом, ее силуэт будто расплывался. Еще не хватало разреветься, как девчонке!

Не дождавшись окончания уроков, я покинул школу. Друзей у меня практически нет, такой я человек. Мне комфортнее быть одному. Я отправился в кафе, отметил свой день рождения чашкой капучино и мороженым. До вечера бродил по городу, мне казалось, что после отказа Лизы я умер, и по улицам движется только моя тень. Не помню как, но я оказался на центральной площади возле кинотеатра. Девушки легкого поведения тусуются там постоянно. Ко мне подошла одна и предложила поразвлечься.

— А то ты что-то грустный и бледный! — добавила она и расхохоталась, легко ударив меня в плечо. — Взбодрись, пацан! Жизнь прекрасна!

Не знаю почему, но я, глядя на ее молодое симпатичное, но сильно накрашенное лицо, вдруг разоткровенничался. Мне невыносимо захотелось рассказать именно ей обо всех моих несчастьях. Узнав, что у меня сегодня день рождения и к тому же мне отказала любимая девушка, проститутка стала серьезной. На миг маска девахи-веселухи спала с ее лица, оно приняло участливое выражение. Правда, меня напряг довольно странный цвет ее глаз, они были медово-желтыми, но мутными, словно в радужку насыпали песок. При угольно черных волосах и смуглой коже это выглядело жутковато. Но, видно, такой сегодня день, что все мне кажется ненормальным и неприятным. Однако девушка отчего-то невыносимо притягивала меня на физическом уровне. Я решил, что это специфика ее профессии так на меня действует. Пообщавшись несколько минут, я уже видел не ее мутные глаза, а только пухлые губы, покрытые слоем красной помады, пышную грудь, плотно обтянутую полупрозрачной, сильно декольтированной кофточкой, длинные стройные ноги, едва прикрытые коротенькой кожаной юбкой. Желание захлестывало, и с этим трудно было бороться.

— Меня зовут Моника, — тихо сказала она.

— Витя, — растерянно представился я.

— Сонька! — громко позвала она и помахала рукой стайке девушек, группирующихся на ступенях кинотеатра.

К нам подошла ее подружка, милovidная блондинка, на вид моя ровесница.

— Прикинь, у пацана днюшка, — с воодушевлением сообщила Моника. — Устроим праздник

имениннику. А то он что-то грустит не по делу! А я очень люблю утешать несчастных мальчиков!

— У меня мало денег, — сказал я.

— А мы и бесплатно дадим по такому случаю! — практически хором ответили девушки, переглянулись и расхохотались. — Я тут рядом живу, — добавила Соня и взяла меня за руку.

Вот так я оказался в квартире проститутки. По пути все же купил бутылку шампанского и торт. Девушки не возражали. Я слышал, как Соня звонит кому-то, и подумал, что докладывает сутенеру. Я далек от этой сферы жизни, но из романов и фильмов почерпнул сведения, как все обычно происходит. Но мне было все равно, кому она звонит, что говорит. Резкий переход от привычной для меня пресной жизни к чему-то новому и увлекательному вывел из оцепенения и вызвал выброс адреналина.

Квартира оказалась маленькой, но уютной. Полумрак, огромная кровать, над ней постер порнографического содержания, красное шелковое покрывало... Девушки моментально разделась. Я оцепенел, глядя на их обнаженные тела. Они легли, приняв эффектные позы. Но на меня будто столбняк напал. Соня раздвинула ноги и начала ласкать себя напоказ. Моника играла со своими сосками и не сводила с меня глаз. Но я по-прежнему стоял возле кровати и даже не разделся. Соня уже так возбуждалась, что упала на спину и громко стонала.

— Не сможешь, котенок? — чуть севшим голосом проговорила Моника. — Нам точно не хватает твоего твердого... как ты любишь его называть?

— Кого? — тупо спросил я.

— Орудие, кий, принц, лысый, молот, голова, желд, мальчик... и еще кучу названий вы придумываете для своего драгоценного члена, — сказала Моника и хохотнула. — А ты как его называешь?

— Никак, — прошептал я и расстегнул рубашку.

— Наконец-то! — тихо засмеялась она и потянула себя за соски. — Гольшом куда удобнее! Соня чуть не кончила, а ты все стоишь!

— Первый раз у меня, — признался я и чуть не задохнулся от смущения.

Шоу, устроенное девушками, вызывало смешанные чувства. Было стыдно, любопытно, но отчего-то противно. Голые тела притягивали открытыми взглядом потаенными уголками, все усиливающимся запахом разогретой плоти, соблазнительными формами. Но в то же время отгалкивали казавшейся мне пошлой доступностью. Тайны уже не было, все напоказ, упругие груди с красными сосками, раздвинутые колени, бритые лобки... Мне трудно было отвести взгляд, но отчего-то начало тошнить.

«И такова любовь? — в смятении думал я. — И Лиза в кровати вот так же извивается и стонет от страсти? Неужели и она втихую удовлетворяет себя, закрываясь в ванной, ласкает свое тело...»

Эти мысли вызвали невыносимое омерзение, будто чистый прекрасный идеал вымазали чем-то отвратительным.

— Лапусик, что ж ты не сказал? Первый раз очень важен! — ласково произнесла Моника и соскочила с кровати. — С тобой нужна нежность!

Она обняла меня и прижалась. Запах ее волос, духов, вспотевшего тела проник, казалось, мне прямо в мозг. Она уже расстегивала мои джинсы. Когда я оторвался от ее губ, то заметил, что Соня исчезла из комнаты, и был ей за это благодарен. Моника уложила меня в кровать, притянула к себе. Ее пальцы продолжали ласкать, я закрыл глаза и позволил ей делать все, что она захочет...

Ушел я от девушек около десяти вечера. Что сказать? Первый раз всегда представлялся мне чем-то ошеломляюще фантастичным и прекрасным, но сейчас я ощущал лишь омерзение. Особой разницы между половым актом с женщиной и самоудовлетворением я не почувствовал. Разрядка была стандартной.

Когда я вышел из подъезда, то в темной арке меня встретили два парня.

— Сонька сказала, он будет в новехонькой кожаной куртке, типичный ботан и хлюпик на вид, — услышал я и остановился.

— Вроде он, — ответил второй голос.

Я оглянулся, бежать было некуда. Даже описывать все это не хочу! Да, прижали к стене, для остратки наподдали, сняли куртку, часы, забрали кошелек и смартфон.

Сейчас думаю, что надо было драться с ними. По крайней мере, они бы меня и прикончили. Хотя... мне все равно.

Пришел домой. Хотелось лишь одного: спрятаться в своей комнате, никого не видеть и не слышать. Но мать ждала меня за накрытым столом, она принарядилась, сделала прическу. И как-то враз, словно у меня открылись глаза, я увидел и убогую обстановку нашей квартиры в древ-

ней хрущевке, и обшарпанную мебель, приукрашенную вышитыми салфеточками и от этого кажущуюся еще более старой и жалкой, и стол, накрытый новой клеенчатой скатертью с выставленными на нем стандартными салатами и «праздничной» курицей-гриль, и лицо мамы, неумело подкрашенное и от этого выглядевшее карикатурно некрасивым. Мне стало совсем худо, хотелось закрыть глаза и ничего этого не видеть. И тут из ванной вышел какой-то мужичонка. Я натянуто улыбнулся, стараясь изо всех сил подавить приступ истерического хохота.

— Витенька, — виновато начала мать, — давно хотела тебя познакомить... мой друг Николай Орестович. Ты только чего не подумай! У нас все серьезно, — тихо добавила она, с испугом на меня глядя. — Он кладовщик на нашей фабрике.

— Очень приятно! — пробасил Николай Орестович и крепко пожал мне руку. — Поздравляю, молодой человек! Семнадцать — это серьезно! И армия не за горами! — зачем-то добавил он и захохотал.

— Ждете, когда я уеду? — ехидно спросил я. — Чтобы не мешал любовным утехам с моей матерью?

— Э, полегче! — набылчился он. — Оскорблять никого не надо! Людмилочка уговорила меня прийти сегодня в гости, отметить твой день рождения, так сказать, в семейном кругу, и с тобой заодно познакомиться. А ты сразу хамить? Да ты пьян, парнишка! Уже где-то накидался? Ну-ну, я не против, все же в такой день не грех и выпить.

— Может, за стол? — растерянно предложила мама.

— А твой друг и ночевать останется? — не выдержал я. — А может, все же дождетесь, когда я в армию свалю?

Ответ я слушать не стал, ушел в свою комнату и закрылся. Мама через какое-то время постучала, начала звать меня, извиняться, но я лежал на кровати, лицом вниз, зажав уши ладонями. С меня реально хватит.

Я слышал, как хлопнула входная дверь. Видимо, мамин друг все же ушел. Но и это уже не могло как-то повлиять на мое настроение. Дождусь, когда мать уснет, уйду... сегодня же.

Через квартал от нашего дома набережная Клязьмы, длинный автомобильный мост перекинут через реку... Лучшего места не найти. Тем более я так и не научился плавать.

Вот и все. Точка».

Глава первая

«...Ее взгляды говорят сами за себя. Слова не нужны. И это молчаливое согласие на все, которое так легко читается в ее глазах, меня... отталкивает. И ее игра становится бесполезной и даже скучной для меня. Я читаю ее как раскрытую книгу. Нет, как бегущую строку рекламы на фасаде здания. И у нее даже не возникает мысли, что, возможно, я совсем не тот, за кого себя выдаю! Милая глупышка! Но... такая хорошенькая, свеженькая и аппетитная. Почему бы не подыграть ей?»

Виктор закончил предложение, улыбнулся, отодвинул тетрадь, поправил, чтобы она лежала ровно на столе, и аккуратно опустил ручку «Паркер» в антикварную подставку из узорчатого малахита с золотой, чуть стертой окантовкой по ободку стаканчика. На краю старинного письменного стола стояла ваза из китайского тончайшего фарфора, и его молочная белизна оттеняла крупную английскую розу бледно-желтого цвета. Рассеянный утренний свет, смягченный воздушной занавеской, падал из высокого окна на стол. Виктор достал из кармана шелкового халата белоснежный носовой платок и небрежно бросил его возле вазы. Он прекрасно

изучил женщин и отлично знал, как они падки на подобные мелочи. Для мужчин, в основной своей массе, не играло никакой роли, что лежит на столе, как расставлены вещи, есть ли цветы в комнате, а вот женщины не выносили пустоту пространства и сразу хотели его обустроить. А если пространство холостого, свободного для отношений мужчины было уже заполнено всевозможными вещами, то они настораживались, выискивали что-то принадлежащее другой — читай: сопернице, вели себя крайне скованно, ведь понимали, что эта территория уже кем-то завоевана, а значит, они тут чужие. И это давало ему преимущество. Женщины служили ему игрушками, он никого не любил, все его встречи были мимолетными и только ради секса. И ставя очередную подружку в такие условия, он быстрее проникал в ее суть и понимал, чего она на самом деле хочет.

Последние десять лет он только этим и занимался — старался увидеть суть любого человека, встреченного им на пути.

Виктор взял из вазы с фруктами пару красных крупных яблок и бросил их на небольшой полукруглый диван, стоящий в углу кабинета. Улыбка не сходила с его лица, ему доставляло удовольствие создавать своего рода театр даже из обычного кабинета. Хотя это помещение обычным назвать было нельзя. Виктор любил устраиваться на новом месте с комфортом, но следуя исключительно своему сиюминутному настроению.

Он приехал в Венецию неделю назад, решив именно здесь встретить свой день рождения. Че-